

А.А. Ткачев*, О.Ю. Зимина*, Ал.Ал. Ткачев**

*ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: sever626@mail.ru;
o_winter@mail.ru

**Тюменский государственный университет
ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003
E-mail: al.al.tkachev@mail.ru

ГОРОДИЩЕ СУЗГУНСКОЙ КУЛЬТУРЫ АБАТСКОЕ VI В ПРИИШИМЬЕ

Вводятся в научный оборот материалы позднего бронзового века городища Абатское VI, расположенного в Абатском районе Тюменской области. Памятник содержит материалы нескольких культур разных периодов неолита, эпохи бронзы и раннего железного века, однако наиболее долговременно этот участок использовался в позднебронзовый период носителями сузгунских традиций, оставившими хорошо укрепленное городище. На городище исследованы остатки сооружений, характеризующие домостроительство носителей сузгунской культуры. Постройки представляли собой полуземлянки с квадратными котлованами площадью 70–90 м², глубиной 0,3–0,5 м. Помещения восточного ряда жилищ были соединены между собой переходами, некоторые имели дополнительные выходы как в центр городища, так и в сторону берегового ограждения. Особенности устройства позволяют предполагать срубно-каркасную основу построек, жилища обогревались кострищами и очагами открытого типа. Вещевой инвентарь представлен изделиями из металла, камня, глины. Среди них бронзовый нож-кинжал с кольцевым упором, обломок глиняной формы для отливки кельта, костяные трепала, обломок заготовки псаля, тесла, проколки, игральные астрагалы со сточенными гранями, обломки рукоятей, заготовки и наконечники стрел, глиняные пряслице, обломок катушки, «фишки», лоцила. Керамический комплекс сузгунской культуры на городище Абатское VI многочислен. Анализ особенностей орнамента посуды выявил близкие показатели с основными характеристиками керамического комплекса Борки 1 в Приишимье и определенную близость с орнаментацией керамики городища Чудская Гора в Прииртышье. Граф связей основных элементов орнамента позволяет говорить о сложной структуре орнамента, демонстрирующей существование на памятнике нескольких орнаментальных моделей, отчасти сходных с моделями орнамента керамических комплексов Прииртышья. По совокупности данных, полученных в результате анализа инвентаря и керамики, можно предполагать функционирование городища Абатское VI в начале I тыс. до н.э.

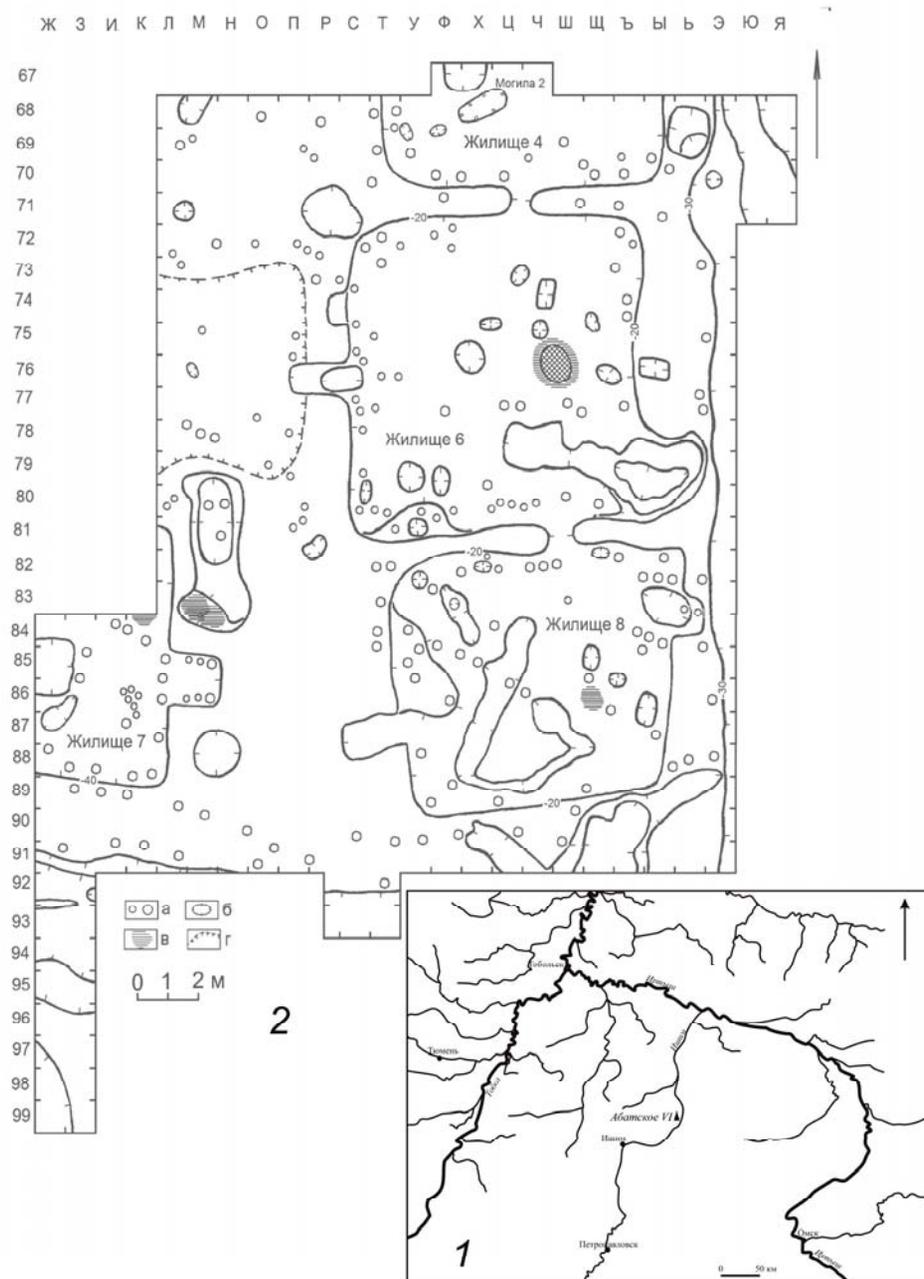
Ключевые слова: Приишимье, Абатское VI, сузгунская культура, домостроительство, керамика.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-39-4-015-027

Финальная пора эпохи бронзы на территории Приишимья охарактеризована довольно слабо. Она представлена сузгунскими древностями и отчасти бархатовскими, распространенными в основном в Притоболье, а в Приишимье выявленными в составе комплексов смешанного облика с поселений Чупино и Кучум-Гора [Голдина, 1969; Генинг, Корякова, 1985, с. 52–60; Матвеев, Аношко, 2009, с. 191–202].

Сузгунская культура была выделена по материалам святилища Сузгун II [Мошинская, 1957]. В декоре посуды сузгунской культуры были отмечены геометрические узоры, соотносимые с андроновской орнаментальной традицией, что и послужило основанием для включения сузгунских древностей в круг андроновидных культур [Косарев, 1981]. Дальнейшие исследования позволили выделить на границе лесостепной и лесной зон Тоболо-Иртышья пахомовскую культуру, предшествовавшую сузгунской и связывающую ее с андроновскими древностями [Корочкова, 1987, с. 10; Корочкова и др., 1991, с. 81]. Одни исследователи полагают, что пахомовская культура Тоболо-Иртышья представляет собой предтаежный вариант сузгунской культуры [Корочкова и др., 1991, с. 84], ранний этап сузгунской культуры [Полеводов, 2003, с. 17]. Другие склонны рассматривать сузгунские и пахомовские древности как совершенно самостоятельные культурные образования [Галкин, 1991, с. 15–16; Ткачев Ал., 2017, с. 23–24]. Изучение материалов позднего бронзового века междуречья Тобола и Иртыша показало, что ареал сузгунской культуры

не ограничивается таежной зоной, как считалось ранее, а охватывает и лесостепную территорию. Одним из фактов, подтверждающих это положение, является городище Абатское VI, расположенное в лесостепной зоне в долине р. Ишим.

Рис. 1. Городище Абатское VI. Расположение памятника (1), план раскопа 1 на уровне материка (2): а — столбовые ямки; б — хозяйственные углубления; в — кострище и прокалы; г — границы «дворика».

Городище Абатское VI открыто в процессе разведочных работ на левобережной террасе р. Ишим в 1999 г. [Ткачева, 2001, с. 217–219]. За три полевых сезона (2000–2002 г.) на памятнике тремя раскопами исследовано 639 м² культурного слоя жилой площадки. Изучены полностью или частично 8 жилищ, 7 погребений и отдельные участки оборонительной системы, ограничивающей жилую площадку позднебронзового городища. Собранные материалы позволили наметить основные этапы заселения подтаежной зоны Приишимья [Ткачев, 2002, 2003].

Городище сузгунской культуры Абатское VI в Приишимье

Укрепленное поселение Абатское VI расположено в 2 км к северо-востоку от п. Абатское Абатского района Тюменской области, занимает ровную открытую площадку вдоль восточного края левобережного мысовидного выступа, ограниченного древним руслом Ишима (рис. 1, 1). Высота крутой надпойменной террасы над уровнем поймы реки не менее 12 м. Западная часть памятника распахана. Визуально на задернованной поверхности жилой площадки прослеживалось 10 западин (диаметр 12–15 м, глубина 0,1–0,3 м), 8 из которых расположены внутри оборонительной системы, сохранившейся на современной дневной поверхности в виде оплывшего рва и вала.

Наиболее долговременно открытый участок мысовой площадки р. Ишим, расположенной близ впадения левобережного притока р. Китерни, использовался в позднебронзовый период носителями сузгунских традиций, оставившими хорошо укрепленное городище, характеристике культурных особенностей которого посвящена данная статья.

Особенности сузгунской домостроительной традиции отражают шесть полностью или частично исследованных построек, взаиморасположение которых внутри фортификационного сооружения позволяет воссоздать особенности его застройки (рис. 1, 2). Рассмотрим наиболее полно исследованные жилые сооружения.

Жилище 4. Частично изучен участок полуземлянки (9,7×2,8–3,7 м) площадью около 30 м². Глубина котлована от уровня материка составляла 0,1–0,2 м. Стенки котлована полого спускались к ровному дну, имеющему легкое понижение с запада на восток. На полу расчищены 4 хозяйственные ямы, 13 столбовых углублений и могильная яма.

Жилище 6. Котлован подквадратной формы (10×9 м) площадью около 90 м², глубина которого от уровня материка 0,2–0,3 м. Стенки котлована крутые, дно ровное. Постройка имела три выхода. Один — прямоугольный тамбур (0,9×0,7 м), расположенный в северной части западной стенки, оформлен в виде двух ступенек: первая (высота 0,2 м) спускается в тамбур, вторая (высота 0,2 м) — из тамбура на дно котлована. Второй выход, расположенный в центре западной стенки в 1,2 м южнее первого, ориентирован на запад в центр «дворика», размером 1,6×1,0 м. Третий — в южной части восточной стенки, размером 2,1×2,5 м, ориентирован на восток в сторону ограждения обрывистого берега террасы. Северная стенка жилого помещения, полого спускавшаяся ко дну, представляет собой материковую перемычку между жилищами 4 и 6 шириной 0,5–0,9 м, высотой от уровня пола построек 0,2–0,4 м. В центре материковой стенки расположен проход между котлованами шириной 0,6 м, глубиной 0,1 м. На полу расчищены очаг, 3 хозяйственные ямы и 47 столбовых углублений.

Жилище 7. Располагалось в юго-западной части городища, примыкало к оборонительной стене. Изучен участок полуземлянки площадью около 22 м². Глубина котлована от уровня материка 0,3–0,4 м. Стенки котлована крутые, дно ровное. В восточной стенке котлована расположен выход в виде короткого тамбура прямоугольной формы размером 1,8×1,5 м. Пол выхода плавно понижался к ровному полу жилища, вблизи выхода обнаружен развал сосуда. На исследованном участке пола зафиксированы очаг, 2 хозяйственные ямы и 24 столбовых углубления.

Жилище 8. Занимало юго-восточный участок городища. Котлован имел подквадратную форму (9×8 м), площадь около 70 м². Жилище находилось на пологом склоне террасы, поэтому глубина котлована от уровня материка в западной части около 0,5 м, в восточной — 0,1 м. Стенки котлована крутые, дно относительно ровное. Постройка имела два выхода. Один — в виде короткого тамбура, расположен в восточной стенке, близ северо-восточного угла (размер 1,8×1,1 м); пол выхода, плавно понижаясь, переходил в овальное углубление, образовавшееся, вероятно, в результате подчистки пола от мусора. Второй — коридорообразный (1,9×1,2 м), расположен в западной стенке; пол выхода полого спускался ко дну. Вдоль западной стенки помещения расположена подтреугольная материковая площадка, размером 2,8×2,1 м, возвышавшаяся над уровнем пола на 0,2 м. На полу расчищены очаг, 2 канавки, 3 хозяйственные ямы и 27 столбовых углублений. Северная стенка, представлявшая собой материковую перемычку между жилищами 6 и 8, имеет ширину 0,6–0,9 м, высоту от уровня пола 0,2–0,4 м. Проход между котлованами построек (ширина 0,7 м, глубина 0,2 м) смещен в восточный сектор.

Весьма интересно наличие перед жилищем 6 прямоугольного «дворика» — легкого понижения, примыкавшего к западному выходу (на современной дневной поверхности прослеживался в виде неглубокой западины). Изучен участок прямоугольной формы размером 6×4 м, глубиной от уровня материка 0,1–0,15 м. Судя по всему, он представлял собой крытый навес над участком непосредственно у выездных ворот городища.

Таким образом, постройки, исследованные на городище Абатское VI, представляли собой полуземлянки с квадратными котлованами площадью 70–90 м², глубиной 0,3–0,5 м. Помещения восточного ряда жилищ были соединены между собой переходами. У двух полностью исследованных жилищ отмечены дополнительные выходы, направленные как на улочку, располагавшуюся между западным и восточным рядами жилищ, так и в сторону берегового ограждения. Особенности устройства интерьера позволяют предполагать, что постройки имели срубно-каркасную основу, обогревались кострищами и очагами открытого типа.

Вещевой инвентарь (300 ед.), собранный в пределах исследованных участков памятника, представлен изделиями из металла, камня, кости, глины. Наличие двух основных строительных горизонтов (раннеалакульского и сузгунского) не позволяет в ряде случаев соотнести те или иные изделия с конкретной эпохой. Кроме того, в вещевом комплексе присутствуют отдельные предметы (нуклеусы, пластинки, отщепы), свидетельствующие о посещении этой площадки носителями традиций позднего неолита и эпохи раннего металла. Наиболее поздними являются захоронения саргатской культуры раннего железного века, впущенные в развал стены южной части городища. В то же время большинство собранных предметов исходя из особенностей залегания в культурном слое и принципов изготовления можно соотнести с заключительной фазой бронзового века. Другая характерная особенность коллекции индивидуальных находок — незначительное количество хорошо сохранившихся целых изделий; большинство вещей, независимо от материала, из которого они изготовлены, представляют собой обломки, не поддающиеся определению.

Особый интерес представляет бронзовый нож¹, соотносимый с позднебронзовыми ножами-кинжалами с кольцевым упором, отлитый в двусторонней форме, с ромбическим в сечении лезвием, переходящим через плечевые уступчики в кольцевой упор насада и заканчивающийся уплощенным черешком. Длина ножа 15,9 см, клинка — 8,5 см, толщина 0,5 см; выделяется рельефно округлый упор диаметром 1,2 см; длина прямоугольного в сечении черешка 5 см, ширина до 0,7 см, толщина до 0,8 см (рис. 2, 25).

О наличии металлургии и связанной с ней плавкой металла в пределах поселка свидетельствуют находки кусочков медной руды темно-зеленого цвета с вкраплениями окисленной меди и обломок литейной формы.

При слабой сырьевой базе сузгунское население, проживавшее на городище, широко использовало кость и рог для изготовления предметов обихода. О наличии высоко развитого косторезного искусства свидетельствуют два изделия. Тщательно вырезанная и отшлифованная застёжка удлинённо-овальной формы с округлым пропилом по окружности в центральной части и слегка сужающимися концами, оканчивающимися округлыми уплощенными головками. Длина изделия 3,8 см, размеры овального сечения 6–11×4–6 мм, глубина пропилов до 2–2,5 мм (рис. 2, 22). Концевая накладка на лук, вырезанная из слегка изогнутой кости: один конец прямоугольный, противоположный — овально-уплощенный с приостренным окончанием, ограниченным с двух сторон симметрично расположенными прямоугольными пропилами. Длина изделия 12,2 см, ширина до 1,8 см, толщина от 2 до 8 мм, размеры пропилов 1,1×0,2 см (рис. 2, 27). Коллекция изделий из кости включает также трепала, небольшую лопаточку, обломок заготовки псаля (рис. 2, 19), тесла (рис. 2, 18), трубочки (рис. 2, 24), проколки (рис. 2, 20, 21), игральные астрагалы со сточенными гранями (рис. 2, 12, 13), кинжалы (рис. 2, 26, 29), обломки рукоятей (рис. 2, 28), заготовки (рис. 2, 23) и наконечники (рис. 2, 17) стрел.

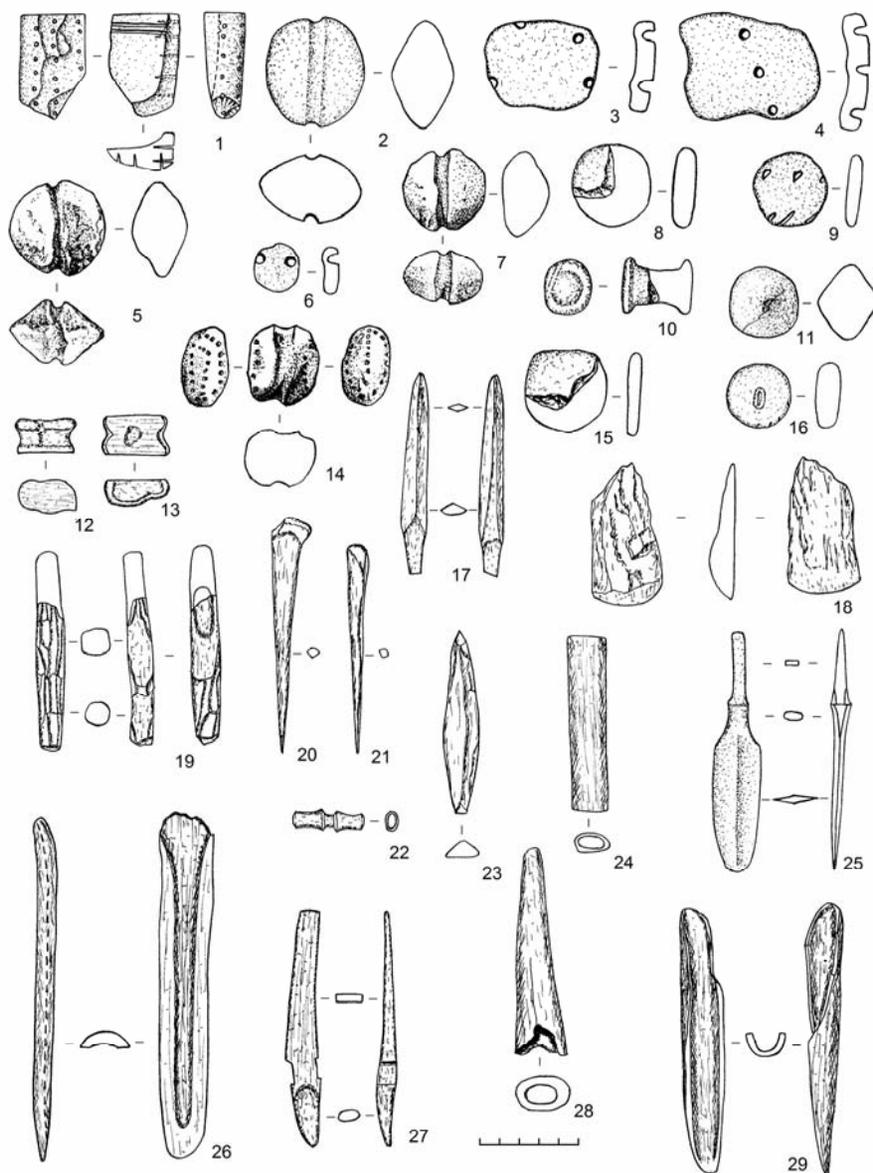
Изделия из камня, соотносимые с сузгунской эпохой, представлены обломками пестов, дисков, зернотерок, абразивов, молота, изготовленных из твердых пород камня и песчаника. Широко использовались в обиходе вещи, выполненные из наиболее доступного сырья — глины: среди индивидуальных изделий обломок пряслица, биконический волчок (рис. 2, 11), обломок катушки (рис. 2, 10), фишки (рис. 2, 6, 9, 15, 16), ложила из обломков стенок сосудов (рис. 2, 3, 4). В хозяйственной деятельности широко практиковалось использование одножелобчатых овальных грузил (рис. 2, 2, 5, 7), внешняя поверхность которых иногда орнаментировалась неглубокими наколами (рис. 2, 14).

Особый интерес представляет обломок глиняной формы для отливки кельта, украшенного в верхней части двумя параллельно расположенными выпуклыми горизонтальными линиями (длина сохранившейся части 5,1 см, ширина 3,5 см, толщина стенок до 1,3 см). По внешней поверхности

¹ В работе [Зимина, 2017] этот предмет ошибочно интерпретирован как черешковый наконечник копья.

Городище сузгунской культуры Абатское VI в Приишимье

несколькими рядами нанесены ямки, выполненные острой овално-уплощенной в сечении палочкой, глубина которых варьируется от 0,8 до 1,2 см (рис. 2, 1).

Рис. 2. Городище Абатское VI.

Изделия из глины (1–11, 14–16), бронзы (25) и кости (12, 13, 17–24, 26–29).

В придонной части заполнения жилищ встречались многочисленные обломки кирпичиков, среди которых найдено единственное изделие, сохранившееся в неразрушенном состоянии. «Кирпичик» имел аморфно-округлую форму и уплощенное основание размером 10×13 см при общей высоте 13,2 см. По всей внешней заглаженной поверхности изделия хорошо прослеживаются отпечатки пальцев слепившего его человека.

Керамический комплекс сузгунской культуры на городище Абатское VI достаточно многочислен, обнаружено свыше 7000 фрагментов керамики, из них к сузгунской культуре относится не менее 6000 экз. В статистическую обработку были взяты фрагменты 406 сосудов, из них в развалах и скоплениях в культурном слое памятника были обнаружены 19 сосудов. В заполнении частично (жил. 1, 2, 4, 7) и полностью (жил. 6 и 8) раскопанных построек и на межжилищном пространстве (мжп) эта выборка распределяется следующим образом (табл. 1).

Распределение сосудов по жилищам и на межжилищном пространстве
Абатского VI городища

	Жил. 1	Жил. 2	Жил. 4	Жил. 6	Жил. 7	Жил. 8	мжп
Кол. сосудов	4	17	28	130	15	55	157
%	0,9	4,2	6,9	32,02	3,7	13,5	38,7

Рис. 3. Керамика сузгунского облика городища Абатское VI.

Сосуды городища Абатское VI представлены профилированными емкостями с прямой (74,6 %), реже — отогнутой (24,6 %) шейкой, преимущественно с округлым венчиком (87,9 %). У 18 (4,4 %) емкостей с внешней стороны шейки отмечается утолщение с небольшим уступчиком внизу — «воротничок» (рис. 3, 9, 12) [Косарев, 1981, с. 170]. У 42 сосудов восстановлен диаметр горлови-

Городище сузгунской культуры Абатское VI в Пришимье

ны — от 7 до 36 см. Небольшие емкости (9 экз.) имеют диаметр горловин от 7 до 19 см (рис. 3, 4). Два кувшинообразных сосуда отличается узкое горло диаметром 14 и 16 см (рис. 3, 5, 10).

Лишь 4,6 % коллекции обнаружено в скоплениях, основная ее часть сильно фрагментирована, статистической обработке были подвергнуты шейки сосудов и в тех случаях, когда это было возможно,— плечо и тулово.

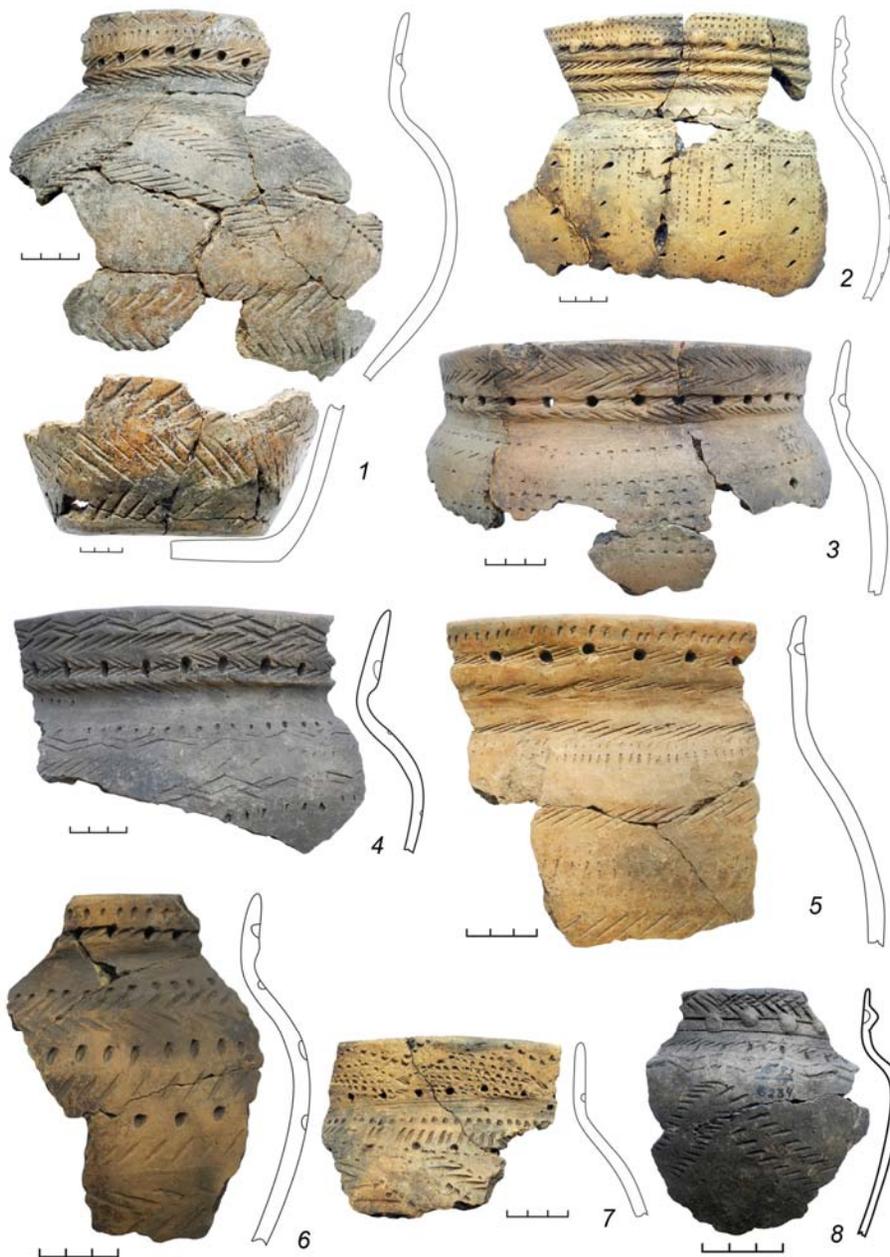

Рис. 4. Керамика сузгунского облика городища Абатское VI.

Преобладает узор, нанесенный гладким штампом (80,8 %), гребенчатый применен в 47 % случаев (табл. 2). В 31 % случаев отмечены гладкий и гребенчатый штампы на одном сосуде. Прочерчивание использовалось в 8,9 % случаев, и чаще всего для нанесения горизонтальных линий и узких неглубоких желобков (4,8 %) (рис. 3, 5; 4, 8). Неглубокие наколы редки (13,8 %): расположены в один ряд преимущественно под срезом венчика, реже между рядами «елочки» или наклонных линий по плечу и тулову (рис. 4, 5, 6).

Среди элементов орнамента преобладает узор из наклонных оттисков штампа (65 %) и круглых ямок (63,8 %), изредка встречаются аморфные или подпрямоугольные ямки (по 2,5 %) (табл. 2). В 45,5 % случаев наклонные оттиски штампа заполняют широкие желобки, которые наносились на шейку сосудов, чаще в несколько рядов (рис. 3, 1, 11; 4, 2), — один из характерных элементов сузгунской орнаментики [Потемкина и др., 1995, с. 62]. Разнонаклонные оттиски штампа образуют горизонтальную «елочку» в 41,4 % случаев (рис. 4, 3). На 33,5 % шеек встречаются вертикально поставленные оттиски гладкого или гребенчатого штампа (рис. 5, 1, 5; 6, 2).

Скобочки встречены на горловинах 13,5 % изделий (рис. 3, 4). Наличие на шейке довольно широкой, иногда подлощенной, неорнаментированной полосы отмечено на 19,5 % сосудов (рис. 3, 9; 4, 4). Оба этих признака являются маркерами сузгунской орнаментальной традиции [Мошинская, 1957, с. 120].

Остальные элементы узора редки (табл. 2). К ним относятся сетка из недлинных оттисков гладкого штампа (6,9 %), горизонтальный (1,9 %) и вертикальный (4,2 %) зигзаги, ромбы (0,5 %), треугольники (7,9 %), столбики из коротких оттисков штампа (1,9 %), валики (5,2 %), жемчужины (9,6 %) и каплевидные вдавления (8,9 %).

Таблица 2

Характеристика орнаментации керамики сузгунского облика городища Абатское VI

№	Техника нанесения орнамента	Кол.	%	№	Элементы орнамента	Кол.	%
1	Гладкий штамп	328	80,8	8	Ромбы	2	0,5
2	Гребенчатый штамп	191	47	9	Уголки	32	7,9
3	Прочерченный	36	8,9	10	Треугольники (вершинами вниз; заштрихованные; с насечками)	11	2,7
4	Накол	56	13,8	11	Горизонтальная «елочка»	168	41,4
№	Элементы орнамента	Кол.	%	12	Столбики	8	1,9
1	Горизонтальные линии	89	21,9	13	Валики	21	5,2
2	Наклонные оттиски штампа (наклонные линии)	264	65	14	Каннелюры (желобки)	184	45,3
3	Вертикальные оттиски штампа (вертикальные линии)	136	33,5	15	Скобочки	55	13,5
4	Зигзаг горизонтальный (одно- и многорядный)	8	1,9	16	Каплевидные вдавления	36	8,9
5	Зигзаг вертикальный	17	4,2	17	Круглые ямки	259	63,8
6	Заштрихованные ленты	62	15,3	18	Жемчужины	39	9,6
7	Сетка	28	6,9	19	Неорнаментированная полоса (подлощенная)	79	19,5

Полную орнаментальную композицию сосуда позволяют представить лишь 11 изделий (2,7 %), от такого же количества изделий сохранилась кроме шейки часть плечика и тулова, у 16,7 % изделий (68 экз.) — шейка и часть плечика.

«Целые», собирающиеся из фрагментов от венчика до дна, изделия представлены емкостями диаметром горловины от 10 до 20–24 см. Шейка может быть украшена вертикальными или наклонными оттисками штампа под срезом, рядами «скобочки», окаймляющими ряды оттисков. Обычны на шейке горизонтальная «елочка», ряды желобков, заполненных оттисками штампа, иногда встречаются тонкие прочерченные желобки в несколько рядов. В верхней части плечика часто располагается неорнаментированная подлощенная полоса. Большая часть «целых» сосудов по плечу и тулову украшены лентами (15,3 %) — полосами наклонных оттисков штампа, окаймленных оттисками «гребенки» (рис. 3, 1, 4, 6; 4, 1). Придонная часть либо не орнаментирована (рис. 3, 1), либо украшена «елочкой» или наклонными оттисками штампа (рис. 3, 2; 4, 1). Иногда сосуды украшены по всей поверхности рядами наклонных оттисков и горизонтальной «елочкой» (рис. 3, 2). Семь экземпляров крупных фрагментов украшены: чередующимися рядами вертикальных и наклонных оттисков; рядами «елочки», разделенными рядами наколов; разреженным узором из чередующихся рядов наклонных оттисков штампа и ямочных вдавлений или столбиков наколов и уголков, горизонтальных линий. Ленты из наклонных оттисков штампа на плечике могут быть обрамлены как горизонтальными линиями, выполненными гребенчатым штампом, так и рядами скобочек или горизонтальным зигзагом.

Корреляция статистически значимых связей между элементами и способами нанесения орнамента на сузгунской керамике Абатского VI городища представлена графически на рис. 5. Эта структура, демонстрирующая существование на памятнике нескольких моделей орнамента,

Городище сузгунской культуры Абатское VI в Приишимье

сопоставима с данными по орнаментации керамики сузгунских поселений Прииртышья — Красноозерского [Полеводов, Шерстобитова, 2007, с. 251], Алексеевка XXI, Юрт-Бергамак IV [Полеводов, 2003, прил., табл. 11, 15], Надеждинка IV/V [Татауров и др., 2011, с. 136], материалы которых, как считается, отражают сложившиеся орнаментальные модели сузгунской посуды [Полеводов, 2003, с. 193].

Граф связей комплекса Абатского VI городища находит соответствие с графом поселенческого комплекса Надеждинка IV/V в сочетании таких элементов, как скобочки, ленточные узоры, прямо поставленные оттиски штампа, горизонтальные линии и уголковые вдавления. При этом граф Абатского VI городища демонстрирует связь вертикальных оттисков, ленты и горизонтальных линий с гребенчатым орнаментом, а наклонных оттисков и горизонтальной «елочки» — с гладким штампом, что отчасти согласуется с орнаментацией прииртышских поселений [Полеводов, 2003, прил., табл. 5, 7, 9, 11, 13, 15, 21]. Связь каплевидных вдавлений и сетки отмечается на ранних бархатовских поселениях — Щетково 2 и Ново-Шадрино 2 [Матвеев, Аношко, 2009, с. 295, 297, рис. 115, 118]. «Воротнички» на сузгунской посуде связывают с влиянием степных традиций [Полеводов, Шерстобитова, 2007, с. 255].

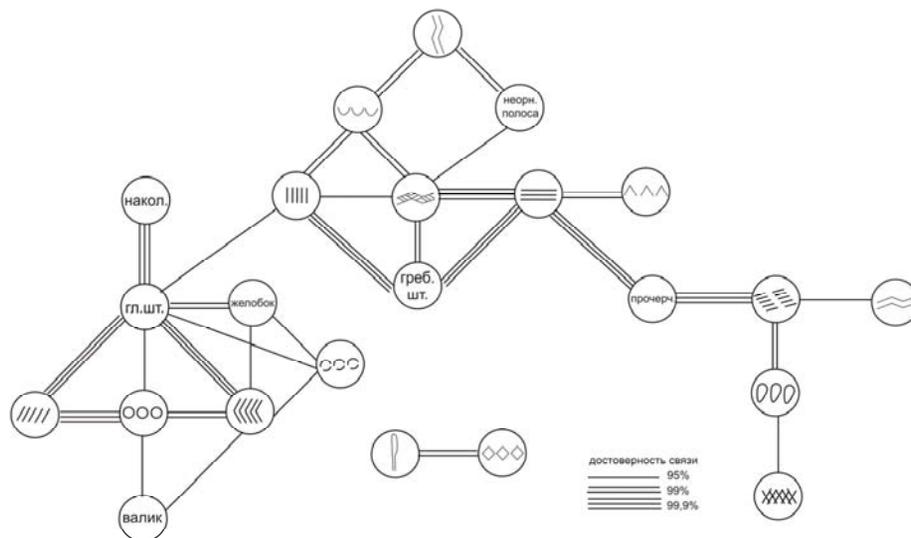

Рис. 5. Граф связей элементов орнаментации керамики городища Абатское VI.

Сопоставление основных показателей морфологических особенностей, приемов орнаментации и основных элементов орнамента керамики из построек на городищах Абатское VI и Борки 1 выявило очень близкие показатели (табл. 3, 4). Кластерный анализ керамических комплексов подтвердил обособленность приишимских сузгунских комплексов, что демонстрирует дендрограмма, полученная на основе сопоставления основных элементов орнаментации: горизонтальные линии, наклонные оттиски штампа, вертикальные оттиски штампа, зигзаг горизонтальный, зигзаг вертикальный, ленты заштрихованные, сетка, ромбы, уголки, треугольники, «елочка» горизонтальная, столбики, валик, каннелюра (желобок), скобочки, каплевидные вдавления, круглые ямки, жемчужины, полоса (лощенная, неорнаментированная), защипы (рис. 6).

Совокупность данных, полученных в результате анализа инвентаря и керамики, позволяет сделать выводы о *хронологической позиции* городища Абатское VI. Достаточно четко датировым предметом с городища Абатское VI является бронзовый черешковый кинжал с кольцевым упором-утолщением на гарде. А.М. Оразбаев, датируя замараевскую культуру Северного Казахстана, характеризовал подобные изделия как копыя и относил их существование к началу I тыс. до н.э. [1958, с. 277, табл. VIII, 13; IX, 4, 5]. Аналогичное изделие известно по материалам Алексеевского поселения Притоболья [Кривцова-Гракова, 1948, рис. 20, 1]. Достаточно широко бронзовые ножи с кольцевым упором распространены в комплексах позднего периода срубной культуры [Кривцова-Гракова, 1955, с. 33, 8, 9; 34, 3, 4, 6]. Наиболее территориально близкая находка аналогичного ножа происходит с поселения Хрипуновское 1 черкакульской культуры [Дегтярева, Костомарова, 2011, с. 33, рис. 1, 10]. Еще одно подобное изделие было обнаружено в пахотном слое при раскопках поселения Щетково 2, расположенного, как и Хрипуновское 1, в

Тоболо-Исетском междуречье [Матвеев, Аношко, 2009, с. 104, рис. 41, 7]. По мнению Е.Н. Черных, подобные изделия широко распространены в эпоху поздней бронзы и датируются в пределах XIII–VIII вв. до н.э. [1983, с. 93, 95, рис. 9, 6, 18, 29]. Кельт, реконструируемый по обломку литейной формы, имеет определенное сходство с глиняными моделями одношковых кельтов с культового места Сузгун IIа, верхняя граница использования которых, по мнению В.Т. Галкина, соотносится с VIII в. до н.э. [1988, с. 146]. Бытуют подобные кельты в XII–VIII вв. до н.э. [Черных, 1970, с. 125–126]. Памятники сузгунской культуры по вещевым комплексам (нож с упором, кельты, наконечники стрел) датируются в широких хронологических пределах — от XIV до VIII в. до н.э.

Таблица 3

Сузгунская керамика городищ Абатское VI и Борки 1, %. Морфологические особенности и способы нанесения орнамента

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Абатское VI, жил. 7	66,7	33,3	86,7	13,3	6,7	86,7	53,3	13,3	6,7
» жил. 2	70,6	29,4	94,1	5,9	0	70,6	47,1	5,9	0
» жил. 4	64,3	35,7	85,7	14,3	3,6	85,7	17,9	7,1	17,9
» жил. 6	81,5	18,5	86,2	13,8	4,6	84,6	48,5	6,9	12,3
» жил. 8	74,5	25,5	89,1	10,9	5,5	70,9	40	1,9	7,3
Борки 1, жил. 1 (77 экз.)	70,1	29,9	90,9	9,1	0	76,6	50,6	16,9	11,7

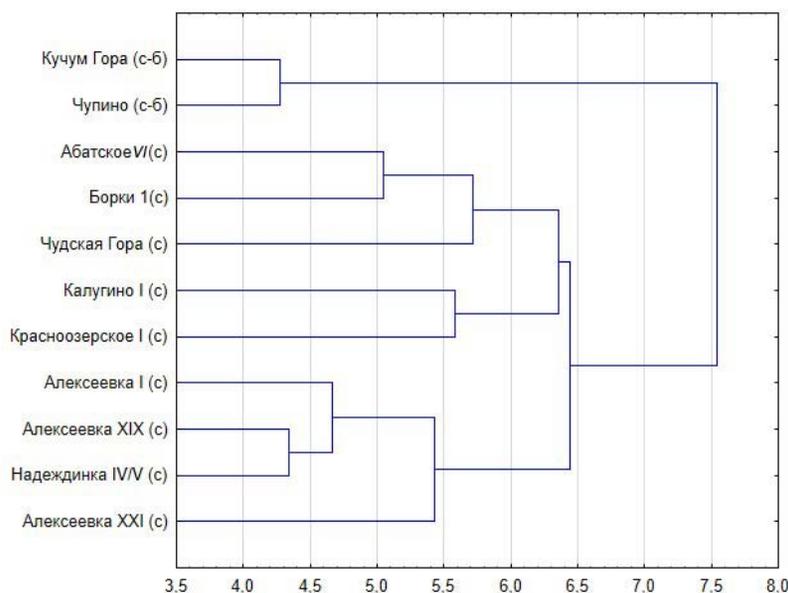
Примечания: 1 — шейка прямая; 2 — шейка отогнутая; 3 — венчик округлый; 4 — венчик другой (приостренный, уплощенный); 5 — воротничок; 6 — гладкий штамп; 7 — гребенчатый штамп; 8 — процерчивание; 9 — накол.

Таблица 4

Сузгунская керамика городищ Абатское VI и Борки 1, %. Особенности орнамента

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
Абатское VI, жил. 7	20	60	26,7	0	13,3	6,7	13,3	0	0	0	40	0	6,7	33,3	6,7	13,3	73,3	20	20
» жил. 2	29,5	64,7	29,4	0	0	5,9	0	0	11,8	0	41,2	0	5,9	41,2	17,6	17,6	64,7	0	23,5
» жил. 4	17,9	60,7	21,4	0	3,6	7,1	14,3	0	10,7	0	53,6	3,6	3,6	35,7	0	17,9	64,3	7,1	14,3
» жил. 6	21,5	64,6	30,8	2,3	6,2	18,5	8,5	0,8	10,8	3,1	42,3	2,3	6,9	49,2	16,9	6,9	70,8	7,7	21,5
» жил. 8	21,8	69,1	34,5	1,8	0	16,4	3,6	0	5,5	1,8	50,9	3,6	1,8	45,5	21,8	12,7	69,1	9,1	18,2
Борки 1, жил. 1 (77 экз.)	15,6	72,7	32,5	2,6	0	10,4	15,6	0	2,6	2,6	25,9	0	2,6	59,7	27,3	9,1	54,5	24,7	9,1

Примечание. Обозначения элементов орнамента (1–19) даны в табл. 2.

Рис. 6. Дендрограмма керамических комплексов сузгунской культуры Ишимо-Иртышья (с — сузгунские; с-б — сузгунско-бархатовские).

Городище сузгунской культуры Абатское VI в Приишимье

Радиоуглеродная некалиброванная дата получена для городища Чудская Гора — 2850±30 л.н. (ЛЕ-1317); по мнению исследователей, наиболее вероятный период существования городища Чудская Гора — XI–IX вв. до н.э. [Потемкина и др., 1995, с. 70]. Калиброванные значения даты не меняют принципиально хронологическую позицию памятника: 1052–973 до н.э. (при 1σ), 1110–927 до н.э. (при 2σ). Наличие этой даты позволило А.В. Полеводову «считать установленным, что собственно сузгунские комплексы существовали в начале I тыс. до н.э.» [2002, с.113]. Укрепленное поселение Заводоуковское 11 дало дату 2945±22 лет (Ле-8280) [Аношко, Агапетова, 2010, с. 133]. Ее калиброванные значения укладываются в 1220–1120 (1250–1240) до н.э. (при 1σ), 1260–1050 до н.э. (при 2σ).

Более ранние радиоуглеродные даты, с поселения Святой Бор IV, свидетельствующие о начале формирования сузгунской культурной традиции в южно-таежном Притоболье, соответствуют XIV–XIII вв. до н.э. — 3200±105 л.н. (СОАН 4930), 3280±70 л.н. (СОАН 4931), тогда как калиброванные значения 1615–1387 (1698–1213) и 1635–1495 (1695–1421) удревняют формирование сузгунской культуры до рубежа XVI–XV вв. до н.э. [Ткачев Ал., 2017, с. 15; Матвеева, Ткачев Ал., 2016, с. 44–45, табл. 4, рис. 11].

Кластерный анализ выявил определенное сходство рассматриваемого комплекса с материалами Чудской Горы, объединив сузгунские поселения Приишимья Абатское VI и Борки 1 в одну группу с этим городищем. Как уже указывалось выше, в соответствии с данными радиоуглеродного датирования это поселение могло функционировать в конце II — начале I тыс. до н.э. Кроме того, граф связей орнамента керамики Абатского VI по структуре, демонстрирующей существование на памятнике нескольких моделей орнамента, сопоставим с результатами анализа орнамента керамики сузгунских поселений Прииртышья — Красноозерского [Полеводов, Шерстобитова, 2007, с. 251], Алексеевка XXI, Юрт-Бергамак IV [Полеводов, 2003, прил., табл. 11, 15], Надеждинка IV/V [Татауров и др., 2011, с. 136], отражающей, как считается, сложившиеся модели сузгунской орнаментастики [Полеводов, 2003, с. 193]. По А.В. Полеводову, это «собственно сузгунский» период существования культуры, датирующийся в пределах первой четверти I тыс. до н.э. [2003, с. 17]. По мнению Ал.Ал. Ткачева, Чудская Гора, наряду с другими городищами и святилищами сузгунской культуры, возникает в финальный период бронзового века [2017, с. 21]. Таким образом, можно предположить, что городище Абатское VI функционировало в начале I тыс. до н.э.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Галкин В.Т.* К вопросу о хронологических рамках сузгунской культуры // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул: Изд-во ИИФиф: АлтГУ, 1988. С. 145–146.
- Генинг В.Ф., Корякова Л.Н.* Комплекс раннего железного века на Чупинском поселении // КСИА. 1985. Вып. 184. С. 52–60.
- Голдина Р.Д.* Городище Кучум-Гора // ВАУ. Свердловск, 1969. Вып. 8. С. 138–158.
- Дегтярева А.Д., Костомарова Ю.В.* Металл позднего бронзового века лесостепного Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 30–45.
- Зимина О.Ю.* Нижнее Приишимье в эпоху поздней бронзы // V (XXI) Всерос. археол. съезд. Барнаул : АлтГУ, 2017. С. 420–421. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29999335>.
- Кривцова-Гракова О.А.* Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ. 1948. Вып. 17. С. 55–172.
- Кривцова-Гракова О.А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 1955. № 46. 164 с.
- Матвеев А.В., Аношко О.М.* Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень: Тюм. дом печати, 2009. 416 с.
- Матвеева Н.П., Ткачев Ал.Ал.* К вопросу о появлении сузгунской культуры в Нижнем Притоболье (по материалам поселения Святой Бор IV) // АВ ORIGINE: Археол.-этногр. сб. Тюмень: ТюмГУ, 2016. Вып. 8. С. 27–48.
- Мошинская В.И.* Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // МИА. 1957. № 58. С. 114–135.
- Оразбаев А.М.* Северный Казахстан в эпоху бронзы // ТИИАЭ. Алма-Ата: АН КазССР. 1958. Т. V. С. 216–294.
- Полеводов А.В.* О типологическом и хронологическом соотношении сузгунских и пахомовских древностей // Северная Евразия в эпоху бронзы: Пространство, время, культура. Барнаул: АлтГУ, 2002. С. 111–113.
- Полеводов А.В.* Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 220 с.
- Полеводов А.В.* Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 22 с.

Полеевдов А.В., Шерстобитова О.С. Красноозерское поселение на Иртыше — забытый памятник сузгунской культуры // Археологические материалы и исследования Северной Азии древности и средневековья. Томск: ТГУ, 2007. С. 246–256.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). М.: Изд-во ПАИМС, 1995. 205 с.

Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихонов С.С., Шерстобитова О.С., Гаркуша М.А. Археологические микрорайоны Западной Сибири: Теория и практика исследований. Омск: Наука, 2011. 196 с.

Ткачев А.А. Исследование городища Абатское VI на Ишиме // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2002. Вып. 4. С. 40–44.

Ткачев А.А. Культурно-хронологические комплексы Абатского Приишимья (по материалам городища Абатское VI) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: Изд-во ИПСО СО РАН, 2003. Вып. 4. С. 222–226.

Ткачев Ал.Ал. Культурно-исторические процессы в эпоху поздней бронзы на территории лесостепного и южнотаежного Тоболо-Иртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул: АлтГУ, 2017. 26 с.

Ткачева Н.А. Укрепленные поселения в лесостепном Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. С. 217–220.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970. 180 с.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Башкир. ун-т, 1983. С. 81–99.

A.A. Tkachev*, O.Yu. Zimina*, Al.Al. Tkachev**

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation

E-mail: sever626@mail.ru;
o_winter@mail.ru

**Tyumen State University

Volodarskogo st., 6, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: al.al.tkachev@mail.ru

SUZGUN FORTIFIED SETTLEMENT ABATSKOE VI IN ISHIM RIVER BASIN

The article introduces into the scientific circulation the materials of the Late Bronze Age of the ancient settlement of Abatskoe VI, located in Abatsky district of Tyumen region. The site contains materials from several cultures of different periods of the Neolithic, Bronze and Early Iron Age, but this area was most often used in the Late Bronze period by the bearers of the Suzgun traditions, which left a well-fortified settlement. The ruins of the buildings, characterizing the features of the house-building of the bearers of the Suzgun culture, were investigated at the site. The buildings were semi-dug-outs with square pits of 70–90 m², 0,3–0,5 m deep. The premises of the eastern row of the dwellings were interconnected by transitions, some had additional exits both in the center of the settlement and in the direction of the shore fence. Features of the interior design allow us to assume that the buildings had a frame-skeleton base, were heated by fireplaces and open-hearth fires. The inventory is represented by products made of metal, stone, bone, clay. Among them, a bronze knife-dagger with an annular stop, a fragment of a clay mold for casting a kelt, bone whips, a fragment of a piece of psalias, adzes, punching, playing astragals with spent facets, fragments of handle, billets and arrowheads, clay spindles. The ceramic complex of the Suzgun culture at the ancient settlement of Abatskoe VI is numerous. The analysis of the ornamentation features of the pottery of the ancient settlement of Abatskoe VI revealed close indicators with the main characteristics of the ceramic complex of Borki 1 in the Ishim river basin and a certain affinity with the ornamentation of the ceramics of Chudskaya Gora settlement in the Irtysh river basin. The graph of the connections of the main elements of the ornament allows us to speak about the complex structure of the ornament, which demonstrates that several ornamental patterns exist on the monument, somewhat similar to the models of the ornament of the ceramic complexes of the Irtysh river basin. The totality of the data obtained as a result of the analysis of inventory and ceramics allows us to assume that the ancient settlement of Abatskoe VI functioned at the beginning of the 1st millennium BC.

Key words: Ishim river basin, Abatskoe VI, the Suzgun culture, house-building, ceramics.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-39-4-015-027

REFERENCES

Chernykh E.N., 1970. *Drevneishaya metallurgiya Urala i Povolzh'ia* [The oldest metallurgy of the Urals and the Volga region], Moscow: Nauka, 180 p.

Chernykh E.N., 1983. Problema obshchnosti kul'tur valikovoï keramiki v stepiakh Evrazii [The Problem of the Valikovaya Pottery cultural community in the Steppes of Eurasia]. *Bronzovyi vek stepnoi polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia*, Cheliabinsk: Bashkir. un-t, pp. 81–99.

Городище сузгунской культуры Абатское VI в Приишимье

Degtiareva A.D., Kostomarov Iu.V., 2011. Metall pozdnego bronzovogo veka lesostepnogo Pritobol'ia [Metal of the Late Bronze Age of the forest-steppe Tobol river basin]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 1 (14), pp. 30–45.

Galkin V.T., 1988. K voprosu o khronologicheskikh ramkakh suzgunskoi kul'tury [To the question of the chronological framework of the Suzgun culture]. *Khronologiya i kul'turnaia prinalozhnost' pamiatnikov kamennogo i bronzovogo vekov luzhnoi Sibiri*, Barnaul: Izd-vo IIFiF: AltGU, pp. 145–146.

Gening V.F., Koriakova L.N., 1985. Kompleks rannego zheleznoogo veka na Chupinskom poselenii [Complex of the Early Iron Age in the Chupyn settlement]. *KSIA*, 184, pp. 52–60.

Goldina R.D., 1969. Gorodshche Kuchum-Gora [The fortified settlement of Kuchum-Gora]. *Voprosy arkheologii Urala*, 8, Sverdlovsk, pp. 138–158.

Krivtsova-Grakova O.A., 1948. Alekseevskoe poselenie i mogil'nik [Alekseevskoe settlement and burial ground]. *TGIM*, no. 17, pp. 55–172.

Krivtsova-Grakova O.A., 1955. Stepnoe Povolzh'e i Prichernomor'e v epokhu pozdnei bronzy [The Steppe Volga river basin and the Black sea region in the Late Bronze Age]. *MIA*, no. 46, 164 p.

Matveev A.V., Anoshko O.M., 2009. *Zaural'e posle andronovtsev: Barkhatovskaia kul'tura* [The Trans-Urals after the Andronovo: Barkhatovo culture], Tiumen': Tiumenskii dom pečhati, 416 p.

Matveeva N.P., Tkachev A.I., 2016. K voprosu o poivlenii suzgunskoi kul'tury v Nizhnem Pritobol'e (po materialam poseleniia Sviatoi Bor IV) [On the issue of the appearance of the Suzgun culture in the Lower Tobol basin (based on the materials of the settlement of Svyatoy Bor IV)]. *AB ORIGINE: Arkheologo-etnograficheskii sbornik*, no. 8, Tiumen': TiumGU, pp. 27–48.

Moshinskaia V.I., 1957. Suzgun II — pamiatnik epokhi bronzy lesnoi polosy Zapadnoi Sibiri [Suzgun II — the settlement of the Bronze Age forest belt of Western Siberia]. *MIA*, no. 58, pp. 114–135.

Orazbaev A.M., 1958. Severnyi Kazakhstan v epokhu bronzy [North Kazakhstan in the Bronze Age]. *TIIE*, vol. V, Alma-Ata: AN Kazakhskoi SSR, pp. 216–294.

Polevodov A.V., 2002. O tipologicheskom i khronologicheskom sootnoshenii suzgunskikh i pakhomovskikh drevnostei: [On the typological and chronological correlation of the Suzgun and Pakhomovo antiquities]. *Severnaia Evraziia v epokhu bronzy: Prostranstvo, vremia, kul'tura*, Barnaul: AltGU, pp. 111–113.

Polevodov A.V., 2003. *Suzgunkaia kl'tura v lesostepi Zapadnoi Sibiri: Predtaezhnoe i iuzhnotaezhnoe Tobolo-Irtysh'e v epokhu pozdnei bronzy* [Suzgunkaya culture in the forest-steppe of Western Siberia: Previous taiga and southern taiga Tobol and Irtysh basin in the late Bronze Age]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 22 p.

Polevodov A.V., Sherstobitova O.S., 2007. Krasnoozerskoe poselenie na Irtyshe — zabytyi pamiatnik suzgunskoi kul'tury [Krasnoozerskoe settlement on the Irtysh — a forgotten site of the Suzgun culture]. *Arkheologicheskie materialy i issledovaniia Severnoi Azii drevnosti i srednevekov'ia*, Tomsk: TGU, pp. 246–256.

Potemkina T.M., Korochkova O.N., Stefanov V.I., 1995. Lesnoe Tobolo-Irtysh'e v kontse epokhi bronzy (po materialam Chudskoi gory) [Forestry Tobol and Irtysh basin at the end of the Bronze Age (based on complex of Chudskaya Gora)], Moscow: PAIMS, 157 p.

Tataurov S.F., Tataurova L.V., Tikhonov S.S., Sherstobitova O.S., Garkusha M.A., 2011. *Arkheologicheskie mikroraiiony Zapadnoi Sibiri: Teoriia i praktika issledovaniia* [Archaeological districts of Western Siberia: The theory and practice of research], Omsk: Nauka, 196 p.

Tkachev A.A., 2002. Issledovanie gorodishcha Abatskoe VI na Ishime [Study of the ancient settlement Abatskoe VI on the river Ishim]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 4, pp. 40–44.

Tkachev A.A., 2003. Kul'turno-khronologicheskie komplekсы Abatskogo Priishim'ia (po materialam gorodishcha Abatskoe VI) [Cultural-chronological complexes of the Abatskoe Ishim basin (based on the materials of the fortified settlement Abatskoe VI)]. *Problemy vzaimodeistviia cheloveka i prirodnoi sredy*, 4, Tiumen': IPOS SO RAN, pp. 222–226.

Tkachev A.I., 2017. Kul'turno-istoricheskie protsessy v epokhu pozdnei bronzy na territorii lesostepnogo i iuzhnotaezhnogo Tobolo-Irtysh'ia [Cultural-historical processes in the of Late Bronze Age in the forest-steppe and south-taiga in the Tobol-Irtysh interfluve]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Barnaul, 26 p.

Tkacheva N.A., 2001. Ukreplennye poseleniia v lesostepnom Priishim'e [Fortified settlements in the forest-steppe Ishim basin]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 3, pp. 217–220.

Zimina O.Iu., 2017. Nizhnee Priishim'e v epokhu pozdnei bronzy [Lower Ishim basin in the Late Bronze Age]. *V (XXI) Vserossiiskii arkheologicheskii s'ezd*, Barnaul: AltGU, pp. 420–421, available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29999335>.